

А. Н. Масловский

МОГИЛЬНИК СЕРЕДИНЫ XVIII ВЕКА НА РАСКОПЕ В ГОРОДЕ АЗОВЕ ПО УЛИЦЕ ДЗЕРЖИНСКОГО, 49

Данная публикация является продолжением предыдущей работы , в которой была описана топография русских могильников XVIII века в городе Азове [1]. Она посвящена могильнику, частично исследованному на раскопе по улице Дзержинского, 49. Он не является самым крупным среди азовских некрополей этого периода, но, возможно, способен дать наиболее нестандартную информацию об истории города.

Краткие данные о могильнике и наиболее интересные находки из него были опубликованы ранее [1, с. 23–24, рис. 2, 3, 6, 7, 9, 12–14; 2, с. 224, рис. 29.4–5; 3, с. 165, 167]. Вместе с тем, данный памятник заслуживает публикации полученных материалов в полном объёме.

В пределы раскопа попала только часть кладбища, вероятно, меньшая (рисунок 1). Было изучено 21 погребение (рисунок 2). Помимо этого, были зафиксированы 4 скопления костей от минимум 9 индивидов из разрушенных погребений, которые также получили номера. Часть захоронений была уничтожена или повреждена комплексами конца XVIII–XIX века.

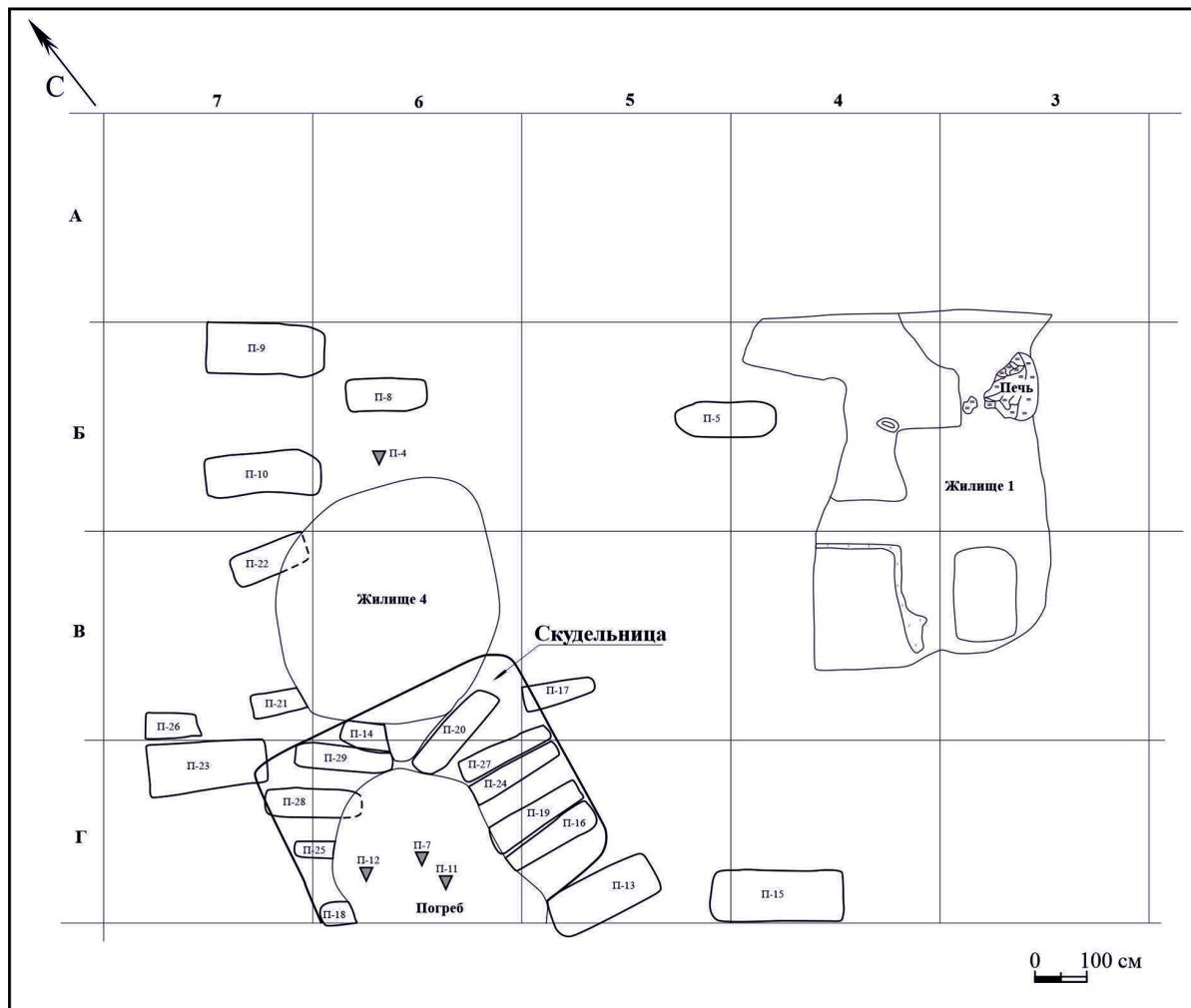
С этим некрополем, возможно, связано погребение, зафиксированное в фундаментной траншее на соседнем участке по улице Дзержинского, 51 в 2003 году.

Поскольку была исследована, вероятно, только северная окраина могильника, говорить о его планировке проблематично. Наме-

чается пять рядов захоронений, ориентированных по линии север — юг. При этом почти половина (№ 10, 14, 16, 18–20, 24–25, 27–29) погребений совершены в заполнении сооружения подквадратной формы (5,2×4,6 м), стенками ориентированного по сторонам света. Учитывая, что комплекс попал в пределы раскопа неполностью и был сильно повреждён погребом конца XIX века и подвальным сооружением конца XVIII века, можно предполагать, что в нём были совершены не менее 15 погребений.

Его внутренняя планировка из-за значительных повреждений позднейшими перекопами прослежена только частично. Первичная глубина ямы может быть оценена в 1,8–2,0 м. Заполнение — комковатая смесь суглинков разных оттенков. Дно ямы у восточной стенки уступами понижается к середине. К западу расположена крупная округлая яма. Уступ проходил, вероятно, вдоль всей южной стенки сооружения. На фрагменте дна у северной и западной стенок фиксировались неглубокие круглые западины.

В заполнении ямы была сделана единственная находка креста (рисунок 3.8), не связанныго ни с одним из захоронений. Только 2 захоронения (№ 27, 28) из 10 были совершены на дне сооружения. Остальные погребения располагались в его заполнении на разной глубине

*Рисунок 1. Раскоп по улице Дзержинского, 49 (2008–2009).
Фрагмент плана раскопа*

вплотную друг к другу, иногда незначительно перекрывая друг друга. Сооружение прорезано могильными ямами погребений № 17 и 23. Возможно, первоначально данный комплекс имел иное назначение, но со временем он стал использоваться уже в качестве скудельницы. Причём большинство погребений совершены после того, как яма была засыпана.

Могильные ямы простые, несколько неправильной формы. Обращает внимание значительная для русских могильников XVIII века, исследованных в городе Азове, глубина могильных ям — от 0,5 м (погребение № 26) до 1,7 м (погребение № 8). Могильная яма детского погребения № 8 является рекордной по глубине среди всех захоронений XVIII века. Исключения составляют погребение № 5 (прослеженная высота стенок — 0,1 м) и детское погребение № 17 (прослеженная высота стенок — 0,2 м).

В 15 из 21 случаях зафиксированы остатки гробов, хотя бы в виде тленов. Об их конструктивных особенностях, в силу очень плохой сохранности, информации недостаточно. Такая частота необычна для русских некрополей XVIII века, исследованных в городе Азове. На большинстве могильников, включая наиболее близкое кладбище на участках по улице Октябрьской, 11–15, гробы встречены в немногих погребениях.

За исключением погребения № 20, все кости ориентированы головой на запад с отклонением к северу. У меньшинства погребений (№ 16, 19, 24) отклонение небольшое.

Большинство же костей ориентировано на северо-запад. Положение лицевой части черепа случайное. Примерно в равном количестве представлены черепа, обращенные вверх, влево и вправо. За исключением по-

ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКИХ НЕКРОПОЛЕЙ

Материалы III Всероссийской научно-практической конференции в Таганроге

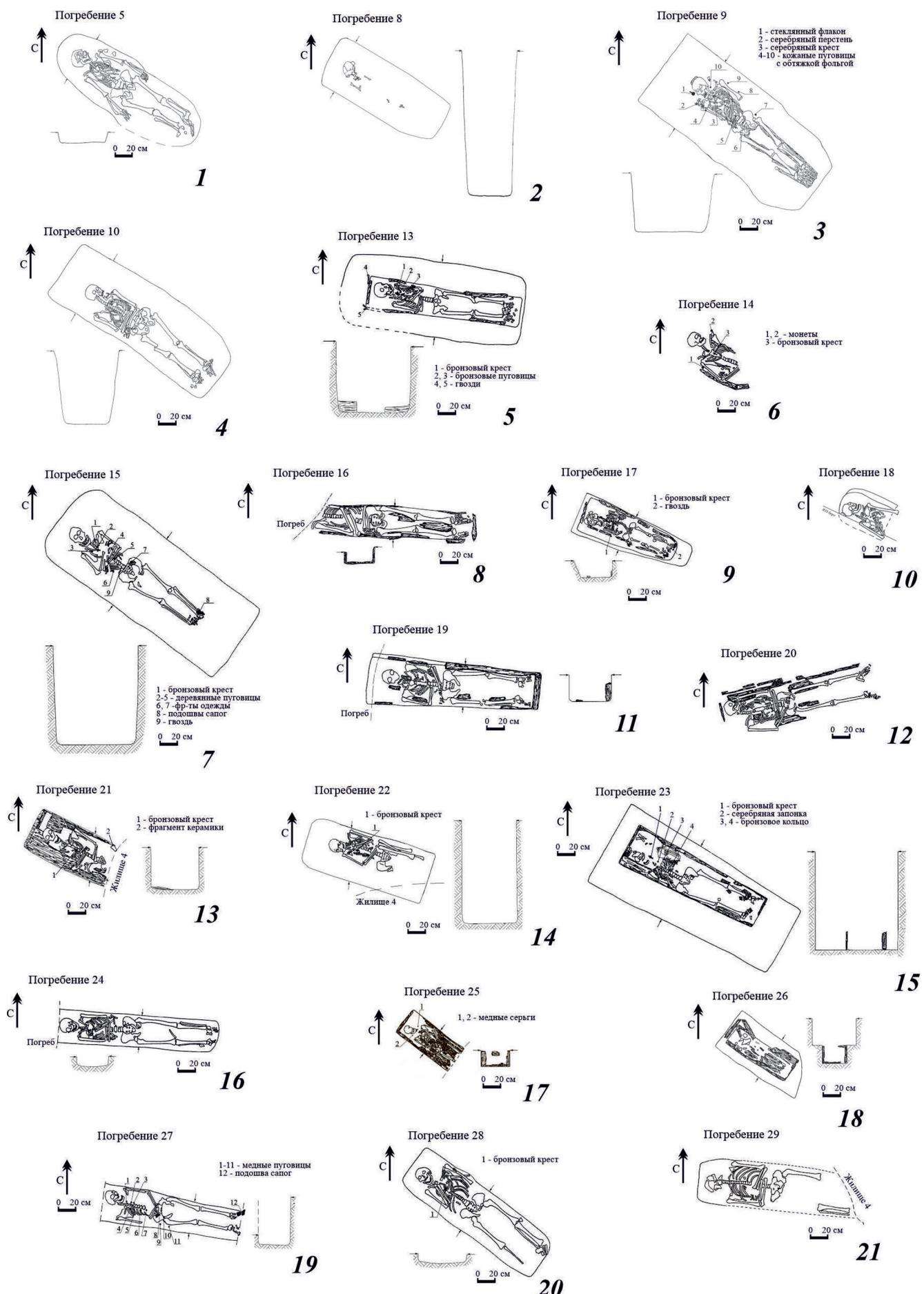

Рисунок 2. Раскоп по улице Дзержинского, 49 (2008–2009). 1–21 – планы и разрезы погребений XVIII века

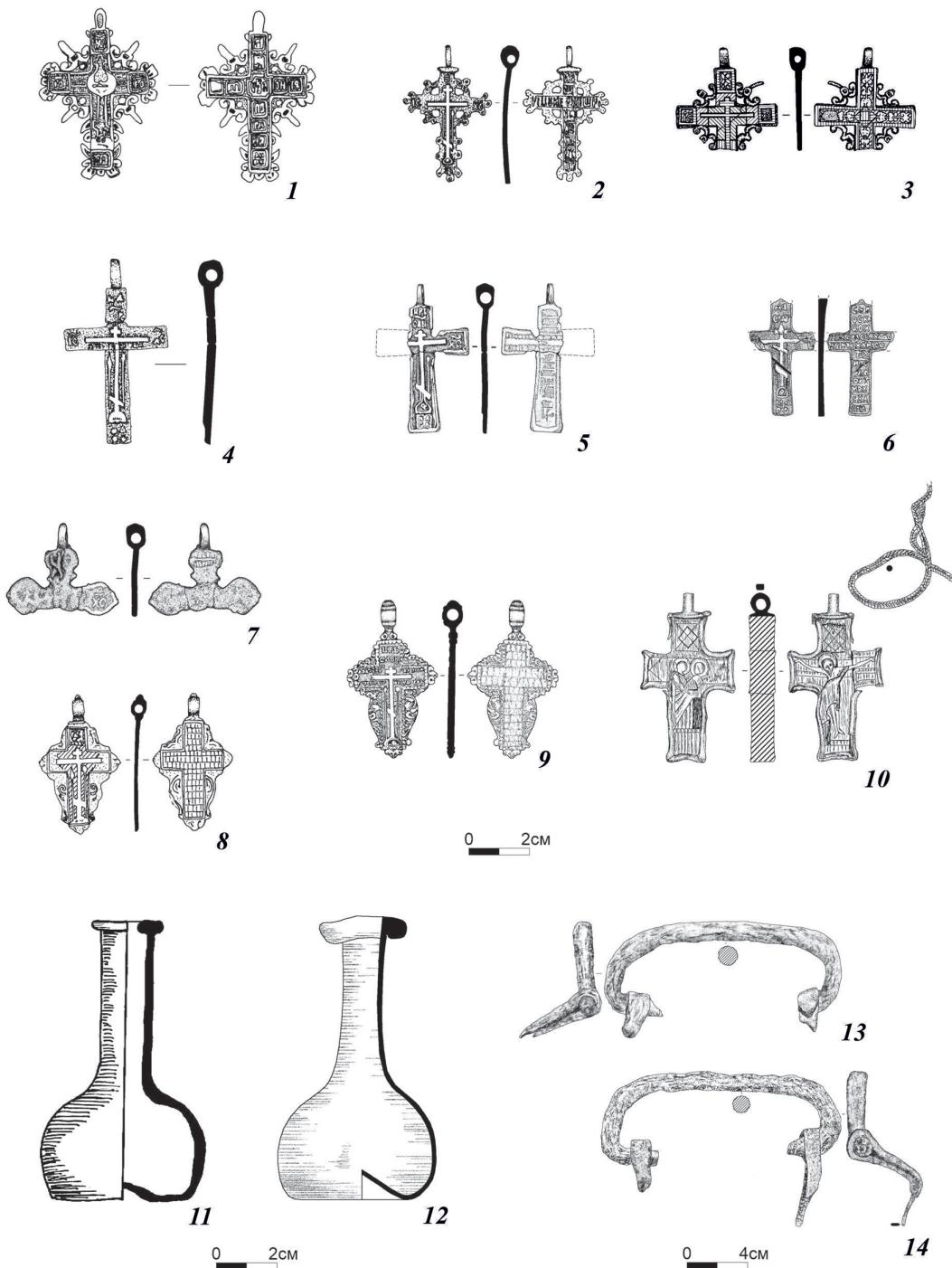

Рисунок 3. Погребальный инвентарь из раскопов 2008–2009 годов по улице Дзержинского, 49 (1–11) и 2003 года по Дзержинского, 51 (12–14). 1 – серебряный крест (n-9); 2–9 – бронзовые кресты (2 – n-17, 3 – n-28; 4 – n-15; 5 – n-21; 6 – n-13; 7 – n-22; 8 – скудельница; 9 – n-23); 11, 12 – стеклянные сосуды (11 – n-9; 12 – n-2); 13, 14 – ручки гроба

гребения № 5, руки погребенных сложены на тулове. Единственный костяк с руками, вытянутыми вдоль туловища, расположен в удалении на периферии могильника (рисунок 1). Представлены почти все возможные варианты положения рук от складывания их кистями на тазу (погребения № 25, 27) до сильно согнутых рук с кистями в области ключиц (погре-

бения № 23, 28). Преобладает ассиметричное положение рук (согнуты под разным углом, одна выше другой).

Инвентарь встречен в 12 погребениях. Чаще всего (10 комплексов) попадались кресты разных типов (рисунок 3.1–7, 3.9). Пуговицы отмечены в 5 погребениях, но отличаются разнообразием типов. При этом некоторые

из типов не отмечены на других некрополях Азова XVIII века. В 2 комплексах (погребения № 13 и 22) встречены литые пуговицы близкой к шаровидной форме, с крупными ушками (рисунок 3.1–5). В погребении № 27 были найдены 13 мундирных пуговиц, расположенных в два ряда. Пуговицы полые, сегментовидной формы, с крупными проволочными ушками (рисунок 4.7–9).

Наибольший интерес представляют пуговицы из двух других погребений. В погребении № 15 обнаружены 10 пуговиц 3 разных типов: 9 — деревянных, 1 — предположительно, медная. Большая часть пуговиц (8 штук) — сегментовидные в профиле, с узким плоским краем, с четырьмя отверстиями (рисунок 4.10–12). Диаметр — 1,5–1,6 см. Один экземпляр большего размера (диаметр — 2,0 см) плоский, также с четырьмя отверстиями. Диаметр — 2,0 см. Медная (?) пуговица сегментовидной формы плохо сохранилась, диаметр — 1,5 см.

В мужском погребении № 9 встречено 13 разнотипных пуговиц (рисунок 4.6, 4.13–17). 11 пуговиц крупные, сегментовидной в профиле формы, изготовлены из древесины, с четырьмя отверстиями (рисунок 4.13–17). Сверху они были обтянуты медной фольгой с тисненым орнаментом и тканевой прокладкой. Пролежены два типа орнамента. На одних пуговицах (не менее 4 экземпляров) в центре размещена крупная вихревая восьмилепестковая розетка в обрамлении мелких четырёхлепестковых розеток (рисунок 4.16). На других (не менее 2 экземпляров) — крупная четырёхлепестковая розетка, образованная пересечением дуг (рисунок 4.17). Диаметр деревянной основы составляет 2,2–2,3 см. Диаметр металлической обтяжки — 2,2 и 2,5 см соответственно.

2 пуговицы — металлические, маленькие, полушиаровидной формы, с литыми ушками (рисунок 4.6). На одной из пуговиц — рельефное изображение четырёхлепестковой розетки, на второй — стеклянная вставка. Диаметр — 1,1–1,2 см.

Все другие категории инвентаря представлены единичными находками. В погребении № 9 встречен толстостенный стеклянный флакон с низким шаровидным туловом и узким высоким горлом с завернутым нару-

жу венчиком (рисунок 3.11). Высота — 9,3 см, диаметр — 5,5 см, диаметр венчика — 2,5 см. Здесь же был обнаружен массивный серебряный перстень со щитком (рисунок 4.29). На щитке в округлом медальоне, увенчанном короной, монограмма в две строки — «П Ф Л» или «А». Медальон обрамлён стилизованным растительным побегом. Диаметр — 2,3 см.

Ещё два разнотипных бронзовых перстня были обнаружены в женском погребении № 23. Первый экземпляр щитковый с прямоугольной стеклянной вставкой диаметром 2,0 см. Второй перстень диаметром 2,1 см орнаментирован рядом «жемчужин». По краям проходят маленькие валики с насечками (рисунок 4.30). В этом же погребении встречен предмет, который, вероятно, следует назвать запонкой (рисунок 4.31–32). Он имел форму «песочных часов», изготовлен из низкопробного серебра и распался на мелкие фрагменты при реставрации. В гнезда на концах были вставлены ограненные стеклянные вставки.

В погребении № 25 были встречены две медные серьги со вставками (рисунок 4.27–28). Серьги имели круглую дужку, на конце которой на поперечном штифте крепились одиночные шарики зерни. Дужки заканчивались четырехлепестковой оправой. Лепестки имеют рельефный орнамент. В оправу вставлены удлиненные бусины лилового стекла. На концах штифтов, на которых были закреплены бусины, шарики зерни. Высота — 3,2 см.

В погребении № 14 в районе плечевых суставов найдено две денги, отчеканенных в 1737 и 1746 году. Это единственный бесспорный пример использования монет в похоронном ритуале на русских кладбищах Азова XVIII века.

Представляет интерес половозрастной состав погребённых людей. Среди 30 определенных индивидов (включая перезахоронения): 18 мужчин, 6 женщин и 6 детей. Хотя такой состав сложно назвать сложившейся популяцией, это всё же далеко от состава братских захоронений из одних мужчин, как например, на улице Карла Либкнехта, 66 (2011 год), которые можно уверенно связывать с русской армией. В выборке нет ни одного человека в возрасте от 8 до 20 лет. Из 18 мужчин только

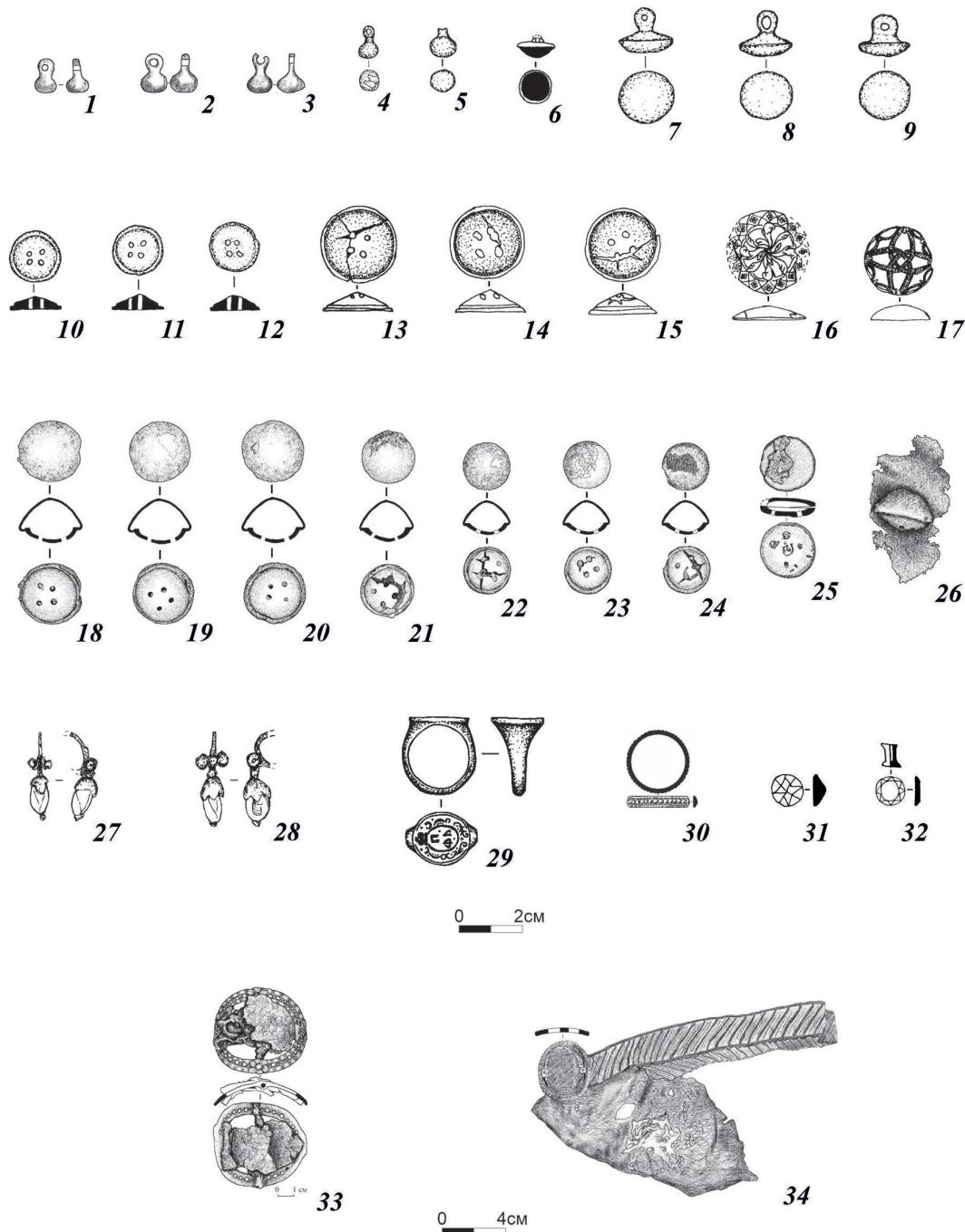

Рисунок 4. Погребальный инвентарь из раскопов 2008–2009 годов по улице Дзержинского, 49 (1–17, 27–32) и 2003 года по улице Дзержинского, 51 (18–26, 33–34). 1–5 — бронзовые пуговицы (1–3 — n-13; 4, 5 — n-22); 6 — бронзовая пуговица со стеклянной вставкой (n-9), 7–9 — медные пуговицы (n-27); 10–15 — деревянные пуговицы (10–12 — n-15, 13–15 — n-9); 16–17 — медные оболочки деревянных пуговиц (n-9), 18–26 — деревянные пуговицы с медной оболочкой (n-2); 27, 28 — медные серьги (n-25); 29 — серебряный перстень (n-9); 30 — медный перстень (n-23); 31, 32 — фрагмент серебряной запонки и стеклянные вставки в ней (n-23); 33 — медная пряжка с остатками кожаного ремня (n-2); 34 — медная пряжка с тканой лентой (n-2)

5 в возрасте от 20 до 30 лет, остальные старше. Все женщины старше 25 лет.

Отдельно следует остановиться на погребении с участка по улице Дзержинского, 51, поскольку оно является уникальным для рус-

ских захоронений XVIII века в Азове. К сожалению, полноценного исследования на участке проведено не было. Работы ограничились зачисткой открытых фундаментных траншей и выборкой попавших в её пределы комплек-

сов. Погребение 2 попало в траншею углом и не могло быть исследовано из-за отвалов, его перекрывавших. Застройщик, однако, счёл, что погребение не должно оставаться под строящимся новым домом. Он организовал в выходной день выборку погребения через пролом в северной боковой стенке склепа. Фотофиксации и составления чертежей произведено не было. Однако рабочие передали нам большую часть находок и кости человека, от которых застройщик хотел избавиться, и достаточно детально описали погребение, которое не было засыпано землёй. Удалось выполнить также некоторые промеры.

Могильная яма представляла собой склеп, обложенный массивным брусковым кирпичом ($30 \times 20 \times 10$ см), с арочным сводом. Склеп имел прямоугольную форму ($1,90 \times 0,75$ м), высоту 1,05 м, ориентирован длинной осью по линии западо-северо-запад — востоко-юго-восток. Погребение было совершено в деревянном гробу, от которого сохранились железные детали (4 крупных ручки-скобы, закрепленные в пробоях, и 15 гвоздей разного размера). Длина ручек — 18,5 см, длина гвоздей — 6,0–12,0 см.

Мужчина 45–50 лет ориентирован головой на запад-северо-запад, вытянут на спине. Челюстей лицевой частью обращен на юг. Руки согнуты в локтях под острым углом и разведены в стороны. Кисти рук в области ключиц. Ноги вытянуты. Стопы раскинуты в стороны. Костяк потревожен.

Погребальный инвентарь:

1. В районе шейных позвонков — деревянный крест с рельефным изображением распятия и Богоматери с младенцем на обратной стороне, в серебряной оковке с ушком, на шнуре (рисунок 3.10).

2. Стеклянный колбообразный флакон (рисунок 3.12).

3. На туловище составные пуговицы в количестве не менее 56 штук в виде двояко-выпуклой линзы с четырьмя отверстиями (рисунок 4.18–26). Внешняя сторона пуговиц медная. Часть пуговиц посеребрена. Нижняя сторона пуговиц деревянная. Внутренняя полость заполнена белой пастообразной массой. Выделяются два размерных типа. Пуговицы первого типа (не менее 32 штук) имеют диаметр 1,4–1,5 см (рисунок 4.22–24). Пуговицы

второго типа (не менее 24 штук) имеют диаметр 1,9–2,0 см (рисунок 4.18–21, 4.25–26).

4. Под коленным суставом серебряная (?) пряжка с лентой золотого шитья с орнаментом из мелких листиков (рисунок 4.34).

5. Остатки кожаных гетр на голенях.

6. Остатки туфель с медной пряжкой с рельефным узором из мелких розеток и листиков (рисунок 4.33).

Невозможно однозначно установить связь этого погребения с могильником по улице Дзержинского, 49, но также нельзя этого исключить. Тем более, что эти комплексы примерно синхронны, и погребение на Дзержинского, 51 также имеет ориентировку с отклонением к северу.

Прежде чем перейти к анализу, следует указать на другие находки с данного раскопа, синхронные могильнику, судя по монетам из погребения № 14. Вплотную к кладбищу с восточной стороны примыкает заглублённая постройка с печью, частично вырезанной в материке (рисунок 1). Конструктивно она идентична другим постройкам русского осадного лагеря 1736–1740 годов и, как и большинство из них, лишена находок.

Помимо погребения, на раскопе обнаружены еще 12 монет XVIII века, в том числе в двух хозяйственных ямах. Большая их часть встречена к западу и северо-западу от могильника. Из них 6 датируются временем правления Анны Иоанновны, 2 монеты относятся к периоду правления Елизаветы Петровны и были обнаружены в хозяйственной яме. Младшая монета — 2 копейки чеканки 1763 года Екатерины II. На двух полушках и денге точная дата не определяется.

Таким образом, нижняя дата периода существования могильника определяется временем захвата Азова русской армией в 1736 году. Уточнить верхнюю границу возможного периода функционирования некрополя помогает жилище № 4, прорезавшее погребения № 14, 21, 22 и скудельницу. Данный комплекс представлял собой, вероятно, подвал богатого дома. Среди находок из него — застёжка от епанчи, несколько коломенских игрушек, синие помадные банки, серия турецких трубок, керамика производства османского Крыма [3, с. 167, рис. 3.1, 8; 4–6]. Эти находки позволяют

датировать время засыпи не позднее рубежа XVIII–XIX веков. Нет данных о том, как долго функционировало жилище № 4, но маловероятно, что оно было заброшено сразу после постройки. Между тем, его строители совершили очевидно не знали о существовании в этом месте кладбища, поскольку, как это видно из плана раскопа, ничто не мешало возвести его в другом месте. Учитывая, что на исчезновение надгробных знаков должно было уйти не одно десятилетие, некрополь должен был прекратить функционирование до занятия русскими войсками Азова в 1769 году. Это согласуется с датировкой встреченных на раскопе монет.

Наиболее вероятным представляется датировка могильника периодом между двумя русско-турецкими войнами (1739–1769). Возможно, этот период был существенно короче, но нет оснований говорить о том, что могильник существовал 1–2 года. По условиям Белградского мира и последующих соглашений, территория Азова вошла в пределы барьерных земель. Это не исключало полностью их хозяйственное использование. Российское правительство запретило казакам лов рыбы на территории барьерных земель до заключения дополнительного соглашения о промысловой деятельности на этой территории. Вскоре такое соглашение было заключено. Оно установило равные права для подданных обоих государств на рыбную ловлю в барьерных землях. Уже в 1746 году, согласно архивным документам, у запорожских и донских казаков на барьерных землях располагалось 66 рыбных

заводов и зимников [4, с. 116–117]. Поскольку основывать постоянные поселения на этих землях было запрещено, рыбачьи станы были временными. Однако здесь следует сделать оговорку. Само использование термина «зимник» предполагает круглогодичное проживание. Л. Т. Тоценко указывает, что некоторые из этих станов существовали по несколько лет [4, с. 116]. Неясно, сколько конкретно лет рыбачий стан мог считаться временным.

Два факта позволяют предполагать, что рядом с кладбищем располагалась культовая постройка. На это указывает само наличие скудельницы, которая могла использоваться для временного захоронения. Об этом же говорит странная ориентация погребенных на северо-запад, которая может быть объяснена ориентировкой культовой постройки. Поскольку строительство церкви на барьерных землях было под запретом, можно предполагать, что здесь находилась часовня.

Представляется вероятным, что могильник принадлежал одной или нескольким ватагам, занимавшимся рыбной ловлей на берегу Дона несколько выше заброшенной Азовской крепости. Численность этой группы, по минимальным подсчётам, должна была составлять несколько десятков человек. Возможно, погребение № 9 принадлежало владельцу рыболовного завода, а погребение № 23 — члену его семьи. То, что 40% погребенных — женщины и маленькие дети, показывает, что временным это становище было лишь формально.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Масловский, А. Н. Топография русских могильников конца XVII – конца XVIII веков в Азове / А. Н. Масловский // Изучение и сохранение исторических некрополей : материалы II Региональной научно-практической конференции. – Ростов-на-Дону : Издательско-полиграфический комплекс РГУЭ (РИНХ), 2023. – С. 18–26.
2. Масловский, А. Н. Археологические исследования в городе Азове и Азовском районе в 2007–2008 годах / А. Н. Масловский // Историко-археологические исследования в Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. – Азов : Азовский музей-заповедник, 2010. – Вып. 24. – С. 182–242.
3. Широченко, Э. Б. Археологические исследования в Азове и разведки в Азовском районе в 2009 году / Э. Б. Широченко, А. Н. Масловский // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2009 г. – Азов : Азовский музей-заповедник, 2011. – Вып. 25. – С. 164–189.
4. Тоценко, Л. Т. География рыбопромыслового освоения Азовского бассейна в XVII – первой половине XIX вв. / Л. Т. Тоценко // Историческая география Дона и Северного Кавказа. – Ростов-на-Дону : Изд-во Ростовского университета, 1992. – С. 114–124.